

Геннадий Малашин

(Не)забытые голоса Сибири

Эссе седьмое

«Жизнь кипит и за полярным кругом...»

(Поэзия второй половины тридцатых годов)

И снова вспомним Маяковского:

...Пролетарии
 приходят к коммунизму
 низом —
 низом шахт,
 серпов
 и вил, —
 я ж
 с небес поэзии
 бросаюсь в коммунизм,
 потому что
 нет мне
 без него любви.

Вспомним Маяковского потому, что его произнесённое на рубеже 1925–1926 годов в стихотворении «Домой!» пожелание-заклинание в середине тридцатых годов двадцатого века стало осуществляться:

...Я хочу
 чтоб в конце работы
 завком
 запирал мои губы
 замком.
 Я хочу,
 чтоб к штыку
 приравнили перо.
 С чугуном чтоб
 и с выделкой стали
 о работе стихов,
 от Политбюро,
 чтобы делал
 доклады Сталин...

...Положим, не сам вождь, конечно, делал на Первом всесоюзном съезде советских писателей в августе 1934-го года доклад «о работе стихов», а недавний член Политбюро Николай Бухарин.

Да и обозначенные опальным «любимцем партии» в его докладе «точки» расставлены

были не вполне точно (превозносил Пастернака, бранил не только Есенина, но и комсомольских поэтов с Маяковским), но в совсем скором времени все поэтические вешки будут разнесены по правильным местам.

Но то, что «производство стихов» в Стране Советов становилось поистине государственным делом, было очевидно и для всех участников съезда, и для их будущих читателей. (Выступавший с официальным приветствием к съезду от имени ЦК ВКП (б) А. Жданов представлял писателей: «... неустанная работа над собой и над своим идейным вооружением в духе социализма является тем непременным условием, без которого советские литераторы не могут переделывать сознания своих читателей и тем самым быть инженерами человеческих душ».)

Удел поэтов и прозаиков, «не выполняющих производственный план», Маяковским в своё время тоже был точно предсказан — в исключённых им в итоге из стихотворения «Домой!» знаменитых строчках, которые первоначально завершали это стихотворение:

...Я хочу
 быть понят моей страной,
 а не буду понят, —
 что ж,
 по родной стране
 пройду стороной,
 как проходит
 косой дождь.

...На двадцать четвёртом заседании съезда, уже в предпоследний день его работы, 31 августа 1934 года, в числе других делегатов из глубинки, с небольшой речью обратился с трибуны к собратьям недолгий ответ-редактор «Сибирских огней» Вивиан Итин, фактически своим выступлением представлявший голоса поэтов сразу и Западной, и Восточной Сибири (ни П. П. Петров, ни И. И. Молчанов-Сибирский, тоже попавшие на съезд, на нём не выступили).

С гордостью Итин докладывал съезду о главном — о росте количества самодельных поэтов на сибирских просторах: «*Стихи неведомых поэтов приходят с голубых Алтаев и полярных тундр. В Сибири пишется, вероятно, больше стихов, чем в европейской части Союза. Стихотворные папки наших газет и журналов, обилие и мастерство частушек говорят о почти поголовной „стихотворной грамотности“*».

В качестве примера он процитировал самодельного «автора из шахтёрского Черемхова», который хоть ещё и «плохо знаком с техникой построения ямбов, хореев и т. д.», но с поэтической тропы никогда уже не сойдёт:

Я не сверну с дороги этой,
Ну что ж, что горы впереди,
Пущай и тучи — мне, поэту,
Дорогой этою идти...

А дальше Итин напомнил делегатам съезда знаменитые строки из классики, из «Русских женщин» Некрасова (и в Колонном зале, мнится, повеяло в этот миг настоящей поэзией...):

Да... страшный край! Откуда прочь
Бежит и зверь лесной,
Когда стосуточная ночь
Нависнет над страной.

И, в противовес «устаревшему представлению» о Сибири как о «стране изгнания», как о «холодной пустыне», докладчик дальше сообщил, что «... *отвечая великому поэту, поэтом-комсомолец написал в многотиражке строительства Игарского порта, этого сибирского Архангельска, созданного большевиками рядом с „гиблым местом“, где жил в ссылке т. Сталин:*

Жизнь кипит и за полярным кругом,
Жизнь мы строим сами, ведь
Север может стать цветущим югом,
Если явь готова молодеть».

...О «гиблом месте», где жил в ссылке т. Сталин», речь у поэтов и у нас впереди, а между тем в конце своего выступления Итин называет ведущую тему всей (и поэтической, и прозаической) будущей, предстоящей ещё литературы Советской Сибири: это «тема превращения Сибири каторжной в Сибирь социалистическую».

И определил Итин главную для своих земляков тему абсолютно точно: с середины тридцатых образ новой, социалистической Сибири становится в поэзии сибиряков действительно магистральным. Об «обновлённом крае» пишут и постепенно становящиеся профессионалами

молодые поэты, и маститые, давно применившие в деле свои поэтические силы стихотворцы, и совсем ещё только начинающие знакомиться «с ямбами и хореем» авторы, и даже школьники.

Несмотря на то, что поля сражений одной войны, Гражданской, уже заросли травами и лесами, а вторая, Отечественная, позовёт народ на защиту Родины только через семь лет после писательского съезда, новая поэтическая армия Сибири (как и всей России, наверное), ощущала, не могла не ощущать драматизм, трагический драматизм судьбы своего поколения. (Не зря ведь на том же съезде, как мы уже рассказывали, поэты призывали коллег «держат лирический порох сухим».) Спустя годы один из сибиряков (И. Рождественский) подведёт итоги биографии своего поколения:

Нам не стелилась скатертью дорога,
В сугробах сами пробивали след
И на пути друзей теряли много,
Идя сквозь вьюги раскалённых лет.

Своими повидали мы глазами
Горящие деревни и стога,
Свирепое нас пеленало пламя,
Баюкала горластая пурга.

Гроза нас иступлённая ласкала,
Свистели пули, как бурундуки,
И молнии высокого накала
До срока обжигали нам виски...

Во второй половине тридцатых происходит смена поэтических поколений. Происходит она не только по естественным причинам. Целое созвездие поэтических имён уходит из жизни и, увы, выпадает и из «круга чтения» читателей-сибиряков: Пётр Петров, Георгий Вяткин, Вивиан Итин...

Происходящая в литературе смена поколений была отражена даже в статистических выкладках, размещённых в стенографическом отчёте первого писательского съезда: средний возраст участвовавших в съезде писателей — тридцать шесть лет, средний профессиональный стаж — тринадцать лет, то есть большинство делегатов начало своё творчество уже после Октября и окончания Гражданской войны...

В отличие от предыдущего поколения, они действительно ощущали себя хозяевами этой новой страны, вся жизнь их складывается в непрестанном движении (и во времени — от царского прошлого к социалистическому будущему, и в пространстве). Ритмы их жизни формируются новой эпохой («*Время — вперёд!*») на фоне сказочных сибирских пейзажей и возникающих

среди этих пейзажей грандиозных строк будущего:

Вся жизнь проходит «на колёсах»,
Всю жизнь ведёшь с пространством спор
Среди лесов многоголосых,
Среди громоподобных гор...

Всё тот же 1934 год во многих отношениях изменит будущую жизнь приенисейской земли и поэтов, живущих на ней. Вскоре после окончания съезда, в декабре, в прежних границах ликвидированной в 1925 году Енисейской губернии создаётся Красноярский край (девять лет до того он был разорван на две части, входившие в Западно-Сибирский и в Восточно-Сибирский края). «Создание Красноярского края — новый шаг к новым победам социализма», — отзывается на это решение партии и правительства газета «Красноярский рабочий».

Создание Красноярского края, ставшего вторым по величине территории регионом страны, даёт импульс к оживлению многих сторон жизни общества, в том числе и литературной. Писавший об истории сибирской литературы того времени А. Горшенин приводит текст заметки из газеты «Красноярский рабочий» 1935 года: «23 июля в ДРП (Дом работников просвещения) состоялся первый вечер группы молодых писателей, объединённых редакцией „Красноярский рабочий“. Тепло были встречены выступавшие молодые поэты Михалковский, Рождественский, Токарев и самый молодой из поэтов К. Лисовский».

А 21 марта 1936 года открывается Красноярский филиал ОГИЗа — Объединения государственных издательств РСФСР. Это было будущее (как самостоятельная структура учреждено в июле 1940 года) Красноярское книжное издательство.

Открытие краевого издательства действительно становится знаковым событием. Возникает доступная издательская среда, создаётся полиграфическая база для публикации произведений будущих местных членов Союза писателей.

Примечательно, что самой первой книжкой нового издательства стала книга стихов.

«Северное сияние» — так назвал её автор, молодой, но уже известный братьям по перу, с семнадцати лет печатавшийся в периодических изданиях Игнатий Рождественский. После революции заброшенный превратностями времени вместе с семьёй в Сибирь и осиротевший в Красноярске уроженец Москвы уже поработал ко времени выхода своей книги в геологоразведочной и переселенческой партиях, на заводах, строительстве железной дороги, был ликвидатором неграмотности, преподавал

в школе... С 1934-го (того самого, памятного для писателей, года) учительствовал в Туруханске, а с 1936-го — в Игарке.

«Мы читали и слушали стихи Пушкина, Некрасова, Лермонтова... но они писали и про дворян, и про „немытую Россию“, а вот про нас, про Заполярье, про Игарку писал Игнатий Дмитриевич. И нам, конечно же, стихи его казались самыми прекрасными...» — вспоминал бывший игарский школьник и детдомовец Виктор Астафьев.

В первой поэтической книге Красноярского издательства читателю сначала открывались зарисовки неповторимых пейзажей Севера, читателя встречала доверительная лирическая интонация:

Сам не знаю, только отчего-то
Каждый год, когда земля в цвету,
Снова манят льдистые широты,
Снежные просторы тундр.

Снова манят, вот пойми попробуй,
Что-то в них волнует и пленит,
В айсбергах и в скалах крутолобых,
В каждой пяди северной земли.

В картины неяркой, но уникальной природы «северной земли» постепенно вплетаются приемы новой, социалистической жизни Заполярья (уже в открывающем сборник стихотворении даётся чёткий графический рисунок, обретающий цвета и краски на следующих страницах: «Заполярье, одинокий остров, плечи угловатые антенн»):

...Мы пришли — и на сумрачных скалах
Вырастают ряды антенн,
И над тундрами вымпелом алым
Поднимается Родины день.

Ни цинга, ни печаль расставания
Никогда ни за что не возьмёт
Нас, зимовщиков мыса Желания,
Победителей снежных широт...

Северная земля с её сонной янтарной мошкой, укрытой до срока вечными снегами, оказывается способна на печатной странице органически слиться, соединиться с революционными технологическими преобразованиями, происходящими на освещённых «опаловыми отсветами сияний» новых, социалистических «северах».

Далёкая, ты в этот час, быть может,
Шагаешь в цех по людным площадям;
И город полнится моторной дрожью,
И поезда грохочут и гудят.

А здесь леса, морозные туманы,
И дни, и даль снегами занесло.
Опаловые отсветы сияний
Часами беспокоят небосклон.

Но я включаю гулкий репродуктор —
И ночь с пургой отскакивает прочь:
Просторы сплющены, со мною — утро,
И ты, черноволосая, — со мной.

Точно найденный образ эпохи: тарелка репродуктора, соединяющего раскинувшиеся на полсвета пространства страны, позволяющего не только услышать голос Большой земли, но и влить в слаженное многоголосье — и снежный, «инеем обмётанный» голос далёкого Туруханска.

Пусть свет у лампы зыбкий и обманный,
Пусть инеем обмётана стена,
Но ты пойми, что нынче с Туруханском
Переключается огромная страна.

Страна нам шлёт волнующую музыку,
Страна грохочет песней боевой,
И ты пойми, что в голосе Союза
Я узнаю весёлый голос твой.

Придёт рассвет, и сквозь шальную вьюгу
Поеду в глубь заснеженных пустынь,
Желанная, на севере и юге
Мы радуемся, любим и грустим.

Конечно, как и положено было в эти времена, в первой книге Красноярского книжного издательства будут и «неугасимый героизм», и эскизные портреты коренных жителей Севера, постепенно встраивающих свою судьбу в судьбу социалистической родины, и местные колхозники, на всю жизнь запомнившие увиденное ими однажды в Москве (*«Кремль и Сталин! Сталин! С ними! Рядом! С мест поднялись тысячи людей...»*), и дети — «ровесники Днепростроя», растущие «на новый манер», «без крестов и иконок», и, конечно же, зыбкой тенью очерченные враги, «нанёвшие смертоносную рану» обходчице-комсомолке Марьяне...

В цехах и на комбайнах,
В глубинах, на горах,
Творим необычайные
Геройские дела.

В Москве и на Урале
Всё больше с каждым днём
Бурлит весенним валом
Стахановский подъём.

Словом, в первую книжку Красноярского книжного издательства оказалась включённой вся сложившаяся к тому времени судьба этого поколения, о которой совсем молодой (в год выхода книги ему исполнилось двадцать шесть лет) автор ещё пишет в эти довоенные годы как об исключительно радостной и самой на свете счастливой:

Мы поём, что упорству подвластны
Север, полюс. Просторы ясны.
Мы крепки, как смолённые снасти
Кораблей звездоносной страны...

И ещё:

Наша память сквозь года и дали
Пронесёт, как солнце по весне,
Юность, не выдавшую печали,
Ту, которую до капли мы отдали
Молодой и радостной стране...

Как писал в своём очерке о начале книгоиздательской деятельности тридцатых годов легендарный красноярский журналист и литератор Афанасий Шадрин, в книге «Северное сияние» «видели первую ласточку литературной весны на просторах Енисея»... Открытие в 1936 году «своего» издательства сразу изменило на берегах Енисея и саму писательскую жизнь той поры, создало среду для общения, объединило начинающих авторов и их немногочисленных учителей. *«... Всё было в начале пути. В городе не было ни одного мало-мальски известного писателя. Не было и просто литераторов-профессионалов, и издательство в своей деятельности опиралось на литературное объединение...»* — вспоминал А. Шадрин.

Литературное объединение, о котором идёт речь, — это своеобразный писательский кружок-семинар «Литературные пятницы» (или просто «пятницы»), который стал ещё и своего рода «клубом местной творческой интеллигенции». Собирались кружковцы сначала «в просторной комнате краевого радиокомитета в здании бывшего костёла», а потом — в нескольких выделенных новому издательству комнатах старинного особняка на улице Урицкого. Вероятно, неистовые творческие споры продолжались и в редакциях краевых газет (в «Красноярском рабочем», в «Сталинских внучатах», в основанном в 1935 году «Красноярском комсомольце»). В очерке, написанном к пятидесятилетнему юбилею издательства, Сергей Сартаков вспоминал, что кружковцев *«поочерёдно брали под организационное крыло то редакция газеты, то библиотека, то краевое издательство»*.

В воспоминаниях о той поре говорится, что на «пятницы» собирались многие будущие литераторы, что участие в семинарах принимали люди искусства. Называется много известных и не очень известных имён. Сибиряки разных профессий и разных социальных групп — художник Дмитрий Каратанов, доцент Михаил Губин, капельмейстер драматического театра Александр Кенель... Среди участников — уже заявившие о себе в историко-краеведческой и литературоведческой сферах Мария Красножёнова, Ефим Владимиров, Борис Долгих. Появлялись на «пятницах» и будущие прославленные литераторы Сибири — Сергей Сартаков и Георгий Кублицкий, Афанасий Шадрин. И, конечно же, уже жившие стихами Георгий Суворов, Лия Гераскина, Игнатий Рождественский, Казимир Лисовский...

Среди «учителей», временами пестовавших и регулярно нещадно критиковавших кружковцев, как мы упоминали в прошлом выпуске цикла «(Не)забытые голоса Сибири», был и первый в Красноярском крае член Союза писателей — поэт Иван Ерошин, ставший к 1939 (?) году ещё и литературным консультантом издательства.

По рассказам А. Шадрина и других очевидцев тех событий, большую роль в работе литературного объединения и в реализации целого ряда литературных проектов сыграли руководители издательства, прежде всего — имевший к тому времени хороший издательский опыт директор, Иван Васильевич Кокорев (Кокарев). *«Обычно на „пятницах“ первыми появлялись И. Кокорев или П. Казачкин. Затем приходил с неперменной папкой под мышкой... архивариус Е. И. Владимиров или бухгалтер Красноярского лесотреста С. В. Сартаков...»*

И. Кокорев и был, кстати, ответственным редактором книги «Северное сияние». «Открытый, весёлый, мускулистый, мудрый...» — таким запомнился он писателям.

В 1937 году в издательстве выходит из печати под его же редакцией уникальная по-своему книжечка прозы и поэзии «Песни счастливых» — «сборник стихов и рассказов ребят Красноярского края и письма к ним А. М. Горького и А. С. Новикова-Прибоя».

Название очень точно отражало содержание сборника произведений, сочинённых юными творцами из Игарки, Тасеево, Красноярска, других населённых пунктов края:

Страна наша с каждой минутой растёт,
И нет нашей жизни чудесней...
А ну-ка, ребята, давайте споём
Весёлую, славную песню!

И ещё:

Мы юная смена для братьев, отцов,
Мы юная смена, счастливые дети,
Мы дети рабочих, дети борцов.
И родина наша всех лучше на свете.

В предисловии к книжке упоминается краевая детская газета «Сталинские внучата», в которой представленные в сборнике тексты были до этого напечатаны. Тема «золотого детства, которое нам страна дала» стала в книжечке, согласно требованиям времени, лейтмотивной:

Любим мы вождя, вождя народа,
Как отца любимого, как мать.
На одной шестой Земли свобода.
Как же это счастьем не назвать?

А в открывающем книгу стихотворении юный автор описывает привычный для «внучат» эпизод их пионерской жизни:

Широкими рядами
Идём по мостовой,
И гордо реет знамя
Над нашей головой.

На нём товарищ Сталин
В каёмке золотой,
А знамя крепко держит
Вожатый молодой.

Мы радостно шагаем,
И взоры всех горят:
Спасибо, вождь любимый,
Спасибо от ребят!

Книжечка Красноярского издательства 1937 года стала своего рода предварением появившегося в 1938 году, уже в столичном издательстве, получившего вскоре известность даже за рубежом сборника детских сочинений «Мы из Игарки», куда отдельные тексты «игарчат» из красноярского сборника «Песни счастливых» войдут. Непростая судьба этой книги и её юных авторов описана в целом ряде публикаций.

А в Красноярске весной 1938 года сдаётся в печать ещё одна необычная книга с длинным и достаточно осторожным названием: «Сборник произведений начинающих писателей Красноярского края».

Ещё при создании издательства обсуждалась возможность и необходимость выпуска регулярного литературного альманаха. Литературная молодёжь всеми силами поддерживала это начинание. Как вспоминает А. Шадрин, Ефим Владимиров предложил назвать его (вслед

за знаменитым альманахом 1828 года) «Енисейский альманах», но это название «наверху» не было одобрено. Начали спорить о других вариантах названия. И тогда И. Кокорев сказал как отрезал: «Назовём книжку просто: „Сборник начинающих писателей“...»

Тщательность, с которой собирался и верстался этот первый сборник красноярских литераторов, была оправдана. Совсем недавно, весной 1937 года, «Красноярский рабочий» сообщал о собрании писательского актива Красноярска, на котором было указано, что «воспитание начинающих авторов в крае поставлено из рук вон плохо», что «в Крайогизе два года маринуется материал для литературного альманаха», что надо «отметить слабость самокритики среди писателей» и вообще пересмотреть издательский план Крайогиза.

«Настоящий сборник является первой попыткой отображения жизни края и показа его литературных сил», — декларировалось в предисловии к сборнику.

Сборник открывался пьесой А. Сысоева «На перегоне» — «действие происходит на одной из узловых железнодорожных станций Сибирской магистрали», герои борются с мешанством и врагами, пытающимися устроить на железнодорожной магистрали диверсию. Проза представлена именами М. Губина, В. Гурницкого, С. Сартакова, М. Минокина, Е. Эссензона.

А большая часть страниц сборника на удивление была отдана стихам местных авторов. Может быть, сказались пристрастия редактора-составителя. А возможно, поэзия оказывалась в этот период более «проходимой» в плане возможных идеологических требований со стороны партийных и литературных критиков?..

Ещё один вариант ответа дают архивные документы. В сентябре 1938 года издательство направляет «директору Крайлита т. Волкову» объяснительную записку по поводу отмены выпуска включённого на 1938 год в план «Альманаха красноярских писателей и поэтов»: причина в том, что *«запланированного материала альманаха (особенно стихотворного) оказалось очень много — больше 30 печатных листов»*. И поэтому *«Крайгосиздат выделил часть стихов в особую книгу „Молодой Красноярск“, которую и намерен выпустить к 20-летию ВЛКСМ»*. Подпись: «Зам. директора Крайгосиздата П. Качкин».

Итак, красноярских стихов накопилось к 1938 году у издателей действительно изрядно. (Но упомянутая в письме книга «Молодой Красноярск», к сожалению, так и не вышла...)

Во всяком случае, тематически и идейно в подобранных для публикации в «Сборнике

начинающих...» стихах всё обстояло вполне благополучно.

Стихотворение «Соперники» И. Рождественского. Причудливо соединились в восемнадцати строчках любимые поэтом, узнаваемые уже читателем приметы северных пейзажей (синеватые льдины, снег, который «лежит по тундре шкурою песка»); балладный сюжет о любви и с лёту, беспронижно узнаваемая после 1934 года читателями интонация бессмертной «Любки» Ярослава Смелякова (*«Посредине лета высыхают губы. Отойдем в сторонку, сядем на диван. Вспомним, погорюем, сядем, моя Люба, сядем посмеёмся, Любка Фейгельман!»*).

На реке всё больше синеватых льдинок,
Снег лежит по тундре шкурою песка.
Я вернулся с вахты, я смотрю на снимок,
На туманный отблеск твоего лица.

Я узнал случайно: ты теперь замужняя.
Неужели, милая, разлучились мы?
Ты моей не будешь, я тебе не нужен...
Но остались грёзы, но осталась дружба
В хаосе метельной северной зимы.

В поэтических строчках соседствуют экзотическая, предвещающая весну лучепёрая северная рыбка верховка и — классический для времён соцреализма тех удивительных лет, сугубо товарищеский исход конфликта личного и общественного: в столкновении соперников побеждает ответственность советского человека за будущее... «Вернувшийся с вахты» лирический герой стихотворения «нежно, как товарищу» протягивает руку счастливому сопернику... Ведь вполне возможно, что однажды им рядом придётся «воевать за родину в боевом строю...»:

Вынесу утрату, одолею стужу,
А когда верховка принесёт весну —
Я вернусь на родину, я твоему мужу
Нежно, как товарищу, руку протяну.

Мы свернём сигарки. Мы пройдемся садом,
Песенку любимую пропоём твою.
Моё сердце ревность не отравит ядом:
Может, мне придётся с ним, с курчавым, рядом
Воевать за родину в боевом строю!

Автопортрет представителя советской молодёжи рисует Георгий Дубинин. Его стихи невольно пробуждают в памяти сразу и строчки Маяковского (*«В сто сорок солнц закат пылал, в июль катилось лето...»*), и, одновременно, мотивы и образы комсомольских поэтов тридцатых:

Хорошо молодому да крепкому,
В сердце чувств неуёмный галдёж.
Улыбаясь, помашешь кепкой:
Дескать, солнце, здорово живёшь!

Чтобы дружбе цвести недаром,
Ты бы, солнце, крепче пекло.
Я поймаю крутым загаром
Огневое твоё тепло.

Пью лучей золотистую осыпь.
Ну, попробуй не пой, удержишь,
Если двадцать счастливых вёсен
Составляют весёлую жизнь!

И надежд, и возможностей много,
Дышит грудь широко и легко,
В мир прекрасный большая дорога
Перед нами легла широко!

Будущее представляется поэту просторным
и ясным. Залогом тому — ежедневные победы
сегодняшнего дня. Вот, например, — советским
селекционером разработана многолетняя пше-
ница:

... Жизнь ничем не одарит сама,
Нужное возьмём у жизни
С боем,
Силой человеческого ума,
Большевистской
Неотступной волей.

Встанет счастье
В небывалый рост —
Счастье с жизнью будут в неразлучье.
Мы, природой овладев всерьёз,
Расцветим
Земли
Благополучье!

Рядом с этими легко выписанными строчками
Г. Дубинина — совсем иные, чеканно-суровые
образы и размеры в стихотворении его товарища
по поэтическому цеху Ивана Рожина:

Стоим мы стеной за свободу,
Мы волей единой сильны,
Сыны трудового народа
И граждане нашей страны.

Растите, колхозы, заводы,
Цветите садами, поля,
Сыны трудового народа,
На ваших границах стоят.

Удивительное свойство советского человека
тех предвоенных лет — умение подняться над

личным, думая об общественном, о государ-
ственном (тут сразу вспоминаются герои совет-
ских предвоенных и послевоенных фильмов).
Вот девушка в колхозе провожает лирическо-
го героя ещё одного стихотворения на службу
на далёкой погранзаставе:

... А мысли стремительно мчатся, как птицы,
Туда, где стальные заставы сильны,
Туда, где друзья охраняют границы
Моей ненаглядной, счастливой страны.

Раскинула тени деревня родная,
Оранжевый месяц взошёл над горой,
И вспыхнули звёзды, горя и мерца,
Опаловый бисер в ночи голубой.

Весёлая, бодрая песнь гармониста
В зелёной дубраве всё громче звенит...
И ты мне сказала:
«Будь славным чекистом
И нашу любовь сохрани!»

«Моя ненаглядная, счастливая страна» упо-
добляется любимой девушке — и неожиданно
всплывает давнее, блоковское: «*О, Русь моя!
Жена моя! До боли нам ясен долгий путь...*»
«Преобразование природы, строительство заво-
дов, железнодорожных путей — то, о чём гре-
зили поэты прошлого, становится реальностью.
И молодые сибирские литераторы сами работают
на станках, сами ведут суда сквозь вечные льды,
сами возводят доменные печи. Индустриализа-
ция и коллективизация стали важнейшей темой,
лейтмотивом поэзии тридцатых», — говорят
в нашем цикле «(Не)забытые голоса Сибири»
участники фильма, посвящённого поэзии второй
половины тридцатых.

Косному кулацкому быту противостоят кар-
тины новой жизни сибирского села («*Мотовило/
стебли гнёт степенно,/хедер/к жниву раму рас-
простёр,/срезанные стебли,/словно пену,/в бара-
бан/уносит транспортёр...*») и образы «капита-
нов пшеничных полей», молодых комбайнёров,
у еще одного «начинающего писателя», Алек-
сандра Керна, посвятившего этой теме сразу не-
сколько стихотворений, вошедших в сборник:

Ветер клонит колосья,
жатва — жаркое дело.
Урожай убирай поскорей.
В золотистые дали
устремляются смело
капитаны степных кораблей.

Комбайнёру отрадно
видеть полосу сжатой.
И зерно на ладони встряхнуть.

Комбайнёр вдохновлён
урожаем богатым.
В добрый путь, комбайнёр,
в добрый путь!

Злачным шёлковым полем,
быстрым ходом привычным,
проводи свой корабль, капитан.
Чуб овеют ветра
ароматом пшеничным.
Ты глаза синевой пропитал.

Путь победами красен,
ты не знаешь лишений.
И тебе — сила, смелость даны.
Передай наш привет,
полевой, душевный,
капитану великой страны.

«Капитану великой страны» посвящают свои стихотворные послания многие авторы этого времени — и столичные, и живущие «в различных городах и колхозах края», как сказано было в одной из книг Красноярского издательства.

Вот проникновенные строки из вошедшего в сборник 1938 года стихотворения девятнадцатилетнего тогда Казимира Лисовского под названием «Кремлёвские звёзды»:

Ночь идёт, незрима, как дыханье,
Но сверкают в мареве ночном
Ярче звёзд, рождённых мирозданьем,
Золотые звёзды над Кремлём.

В этих звёздах светятся рубины,
Им лучи бессмертия даны.
И горят над необъятным миром
Величавым символом страны.

И невольно мысли улетают
Все к тому, в чьём имени весна,
Кто в Кремле, ночей не досыпая,
Неустанно думает о нас.

Изо всех любимых он любимей,
Всех дороже, ближе и родней,
В нём — залог любви невыразимой
Беспредельной Родины моей...

«Так это было...»

Через несколько лет, в 1944 году, уже успевший поработать в нескольких газетах края (на фронт его не возьмут из-за тяжёлой болезни) Казимир Лисовский привезёт в Красноярск из Игарки целый ряд новых стихов — о Заполярье, о войне, о советских людях. Будет среди них и небольшое, но проникновенное и отточённое восьмистишие, написанное на станке Курейка:

Здесь всё живёт, всё дышит им. И ныне
Из самых отдалённых уголков
Избушке этой, как своей святине,
Приносят люди думы и любовь.

И на яру обрывистом и хмуром,
Где он внимал бушующим волнам,
Стоит вождя гранитная фигура —
Отчизне. Человечеству. Векам.

Вождь по имени не назван — в этом и нет необходимости. А станок Курейка — это тоже ещё много говорившее тогда сибирякам название. Место ссылки вождя, где с 1938 года работал музей, а к 1952 году открылся грандиозный музей-пантеон, где огромная белоснежная (потом утверждали, что гипсовая) скульптура вождя встречала пассажиров всех пароходов, идущих к низовьям Енисея, — и каждый из них непременно на два часа останавливался здесь для экскурсии. В начале пятидесятых выйдет и написанная хорошим, доступным языком прозаическая книга К. Лисовского для детей, которая будет называться «Домик в Курейке». Книгу переведут на языки народов Севера, чтобы читали её и эвенки, и ненцы, и нганасане. Обозначена эта тема будет и в поэмах и стихах Лисовского.

...Так вот, о поэзии. Отвлечёмся ещё на одну минуту от «Сборника начинающих...».

Дань теме Курейки и сталинской заполярной ссылки 1913–1916 годов отдадут в сороковых-пятидесятых многие сибирские литераторы. Однако едва ли не первый значимый поэтический вклад в эту тему внесёт сибиряк, певец Заполярья Анатолий Ольхон, живший тогда в Иркутске. В 1939 году его «Енисейская легенда» будет опубликована в «Восточно-Сибирской правде», в 1940 году её включит в свой сборник «Енисей в стихах и легендах» (о нём мы ещё скажем в нашем цикле) Красноярское книжное издательство, тогда же «Легенда» выйдет отдельным изданием в Иркутске, а в 1947 году её переиздадут и в Красноярске.

Поэма талантливого поэта и фольклориста Ольхона, в своё время объездившего все сибирские «севера», построена как народный сказ о курейской ссылке вождя: «Записал я эти сказы рыболовов белой ночью в Заполярье, на Курейке...»

По версии сказа, в «ледовой» своей ссылке вождь знакомится со старым рыбаком по прозвищу Бедняга:

...На Курейке это было, на Курейке...
Жил тогда один Бедняга в зимовейке.
В зимовейке, в пустолесье жил да был,
Туруханскую сельдьятку он ловил.

Но однажды к берегу близ «зимовейки» старика пристаёт лодка:

...На Курейке это было, на Курейке...

Приставала в берег лодка к зимовейке.

Лодка с парусом, дощаная, с венцами,

Лодка царская, казённая, с гребцами...

Опустим дальнейшую большую часть сказа. И передадим слово для пересказа развязки сюжета поэту и критику А. Смердову, автору положительной рецензии, появившейся в том же 1940 году в «Сибирских огнях»:

«В образе рыбака Бедняги поэт удачно, глубоко воплотил черты народа. Под влиянием бесед со Сталиным пробуждается в сознании Бедняги ненависть к угнетателям и стремление к борьбе. Рука об руку будущий вождь народов и старый рыбак однажды тайно покидают зимовье на Курейке и уходят туда, где ждут Сталина революционные силы России. Шли они по тайге, по снегам, и всюду пламенное слово Сталина вдохновляло бедный народ на борьбу. Тщетны были попытки жандармов изловить беглецов с Курейки...»

Мать-земля сама их укрывала —

Укрывала их туманом без прогляда,

Мать-вода на шиверах им помогала —

Отводила их струёй от водопада.

Как ушли они без следу, неизвестно,

И до самого семнадцатого года

Кочевали на поселениях повсеместно —

Среди бедного сибирского народа...

Заключение поэмы-сказа оптимистично. Мы переносимся в социалистическое, в преобразённое Заполярье:

Городок растёт на месте зимовейки.

Самолёты пролетают вдоль Курейки.

На графитных заполярных рудниках

Звонки утренние рокоты гудка.

...В Заполярье жизнь шумит большая,

Оживают дебри и берлоги,

Ледовые горы разрушая,

Протянулись новые дороги

...Вечно будет солнце в нашем мире,

Не вернутся сумерки былого.

И по всем окраинам Сибири

Славят люди сталинское слово.

...И поют певцы на Енисее,

И ведут сказанья старожилы

Про того, кто тьму ночей рассеял...

(Эти сказы мы в напевы положили.)

Повторимся: «сказ» бывшего участника группы «Перевал» Анатолия Ольхона о курейской ссылке вождя действительно искусно и мастерски соткан. Произведений такого уровня в Красноярске в конце тридцатых, пожалуй, было немного.

Но вот к вопросу о поэзии... Вернёмся вновь теперь к нашему «Сборнику начинающих...» 1938 года и обратимся к завершающим его стихам, представляющим, на наш взгляд, наибольший интерес и для современного читателя.

Ответственным редактором и вдохновителем «Сборника начинающих писателей Красноярского края» стал ещё один недолгий, но уникальный сотрудник Красноярского книжного издательства, редактор художественных книг, затем замдиректора издательства, большой энтузиаст книжного дела Пётр Алексеевич Казачкин. Все писавшие о начале писательской организации и книжного издательства в Красноярске — и Афанасий Шадрин, и Сергей Сартаков, и другие авторы — вспоминают его очень по-доброму, с благодарностью и с любовью: живой, талантливый, отзывчивый, увлекающийся.

А ещё Пётр Казачкин был хоть и начинающим, но очень перспективным поэтом. Сартаков вспоминает первое знакомство с ним: *«Он ворвался в дверь вместе с густым облаком морозного пара и со стихами. Моежт быть, даже стихи несколько опередили его появление... и всегда потом мне казалось, что Петя сначала читает стихи и лишь в конце чтения снимает шапку и говорит: „Здравствуйте“. Он был поклонник Маяковского. Не берусь утверждать, „продолжал“ он великого поэта или подражал ему, в любом случае — делал это искренне, честно и вдохновенно...»*

Да и сама судьба его — тоже, пожалуй, подлинно была судьбой поэта.

Страницы этой судьбы кропотливо собраны воедино журналистом и краеведом из Игарки Валентиной Гапеенко. Не один раз вспоминали «о Пете Казачкине» и об эпизодах его биографии и его коллеги, переписка которых была частично опубликована сотрудниками красноярского Литературного музея. Отдельные эпизоды из времени начала большой советской литературы на Енисее приведены в альманахе Литературного музея «Енисейские встречи» за 2008 год, составленном Ольгой Ермаковой.

Но какие-то страницы этой судьбы и этих стихов ещё и не прочитаны исследователями.

Судомеханик, а потом литсотрудник, в Красноярск Пётр Казачкин перебрался из Нижнего Новгорода вместе с братом в начале тридцатых. Работал в агитбригаде, затем стал спецкором «Красноярского рабочего», со шлюпочной экспедицией попал в Игарку и там — влюбился на всю жизнь, потому и остался работать в игарском «Большевике Заполярья», чтобы окончательно

покорить свою избранницу, оказавшуюся потом, кстати, дочерью погибшего где-то на северах колчаковского офицера...

И вновь Красноярск, работа в книжном издательстве, двухмесячные редакторские курсы в Москве. Он помогает всем молодым авторам — и в творчестве, и в быту. А. Шадрин считал его своим «крёстным отцом», благодаря которому он и стал литератором. Становится Казачкин душой всех задуманных в издательстве коллективных альманахов.

Работа сложная, и время сложное. В. Гапеев цитирует найденную ею заметку (сентябрь 1937 года) в краевой газете, которая названа ни много ни мало, а так: «Крайгиз выполняет заказ врагов народа»:

«Как могло случиться, что за три года своего существования Крайгиз не издал ни одной книги, заслуживающей серьёзного внимания? Зав. крайгизом Кокарев объясняет это очень просто: „В Красноярском крае нет писательских кадров“. Это ложь. Имеется неплохой литературный молодняк, который хочет работать. С молодыми писателями нужно работать, нужно помочь им овладеть литературным мастерством...»

И вот он, подготовленный Петром Казачкиным первый «краевой» сборник «красноярских начинающих», завершающийся стихами самого редактора, объединёнными в цикл «Стихи о Енисейском Севере».

Первый пароход

Ледоход!
Миллиарды бацилл несиденья
Перекусали всех —
люди взмокли,
В комнатах-клетках
от нетерпенья
Бегая
то к дверям,
то к окнам.
В учреждениях
дисциплина раскисла.
Хромает,
как лошадь в лугах
стреноженная...
Над городом
что-то такое...
повисло —
Радостное и тревожное.
Голоса громки,
смех раскатно-басов,
Сердца под рёбрами
стукают рьяно.
Ледоход —
это вам
не вагон блинов.

Енисей —
не цистерна сметаны!

Может быть, где-нибудь
на Дону иль Оке,
Ледоход —
не такая пора уж яркая.
Ну а тут — Енисей!
На такой реке
Ледоход,
да ещё в Игарке!

И понятно оно:
на Оке ледоход —
Это лишь
«отправленье природы».
Ну, сказать,
что за радость там —
пароход,
Коль на ней
каждый день пароходы?

Вот к нам —
как придёт он,
гудком оря, —
Весь город —
на пристани сразу.
Как духи,
его запах
вдыхают в себя
И чуть-чуть
не пробуют на зуб!

Для нас,
для детей морозов и пург,
Которых природа не балует,
Так дорог,
так мил
этот старый друг —
Кусок пароходной палубы!

Он нам
не спасенье —
как впавшим в отчаянье,
Без надежды вернуться
в родные широты:
Он кусочек родины,
любимой арктичанами.
То-то!

Игарка, июнь 1937

...Нет, не случайно Сартаков упомянул о любви Петра Казачкина к Маяковскому. Дело ведь — не только в пресловутой «лесенке».

Дело тут — и в свободном «лёгком» («по-бунински» и «по-маяковски» сразу!) дыхании автора, который на мир смотрит (не риторически, как порой его коллеги) радостным и уверенным

взглядом. И в подлинно (по Дзиге Вертову) кинематографическом, не отпускающем читателя «монтаже» образов стихов. И в захватывающем, неожиданном, впрямь как у Шостаковича, ритме рифм, слов и звуков. И, конечно же, в идущей откуда-то из глубин молодой комсомольской души, совсем в духе Владим Владимыча Маяковского, свободе осмысления высоких понятий через обыденное («кусочек родины» и — «кусоч пароходной палубы»), «родные широты» и — «бациллы несиденья в комнатах-клетках» в учреждениях города)...

Весь спектр испытанных лирическим героем в день ожидания навигации эмоций, чувств, мыслей становится наглядным и доступен читателю через почерпнутое «из реки по имени факт» — через «факт» ледохода, через запах долгожданного, вот-вот придущего к «арктичанам» (!) парохода, через горьковатый аромат пароходного дыма, который вдыхаешь «как духи»...

И ещё — дело тут в смешении самых разных интонаций, в чём изошрён был любимый Казачкиным поэт: рядом и гротеск, и лирика, и разговорно-просторечная интонация. Здесь, совсем рядом с панорамной, как бы с аэростата снятой картиной «заполярной столицы», — совсем рядом бьётся неистовое, работающее как безупречный механизм парохода, «рьяно стучающее под рёбрами» сердце лирического героя...

«Первый пароход», кстати, как вспоминал Сергей Сартаков, это как раз то самое стихотворение, которое попало «на зубок» раскритикованному новому изданию в пух и прах рецензенту из «Красноярского рабочего». Очень не понравилось ему уподобление ледохода «вагону с блинами», а Енисей — «цистерне сметаны»...

Да, конечно, это были строки «начинающего» молодого автора, и прав, наверное, Сартаков, говоря, что Пётр Казачкин спешил, очень спешил, высекая из «поэтической руды» чаще не золото, а «лишь золотые искры»... Но искры-то были — золотые! И спешил поэт, может быть, предчувствуя ограниченность отпущенного ему срока...

Невозможно удержаться и не привести ещё хотя бы несколько строф из написанного и опубликованного восемь с гаком десятилетий назад, из надолго, из несправедливо забытого.

Вот, будто как причудливо раскинувшийся на полотне городской пейзаж у Андрея Поздеева и одновременно как нежная и чёткая линогравюра у Владимира Мешкова, — вот она, неповторимая картина «солнечной полночи» в «заполярной столице» (куда же, вслед за Маяковским, нам без солнца? — но насколько оно здесь, у «арктичан», сияет своеобразно и оправданно!):

...На перекрёстке
сверкают рули
Никелированной
веловатаги.
Пройти невозможно,
как ни юли...
Велосипедов —
словно в Гааге!

Иной руки в брюки
и мчится, гордясь
Езды превосходным качеством.
Юнцы и девицы ахают:
— Класс!
Ворчат старики:
— Лихачество!..

Любуйся на этот
велозкадрон
И на десять лет молодись!
Авто, проезжая, рычит,
как слон:
— Двухшипные —
сторонись!

Как будто бы время
попёрло вспять,
На улицах —
люди толпятся.
С чего тут,
скажите,
ложиться спать,
Коль можно так веселиться?

Вы можете,
бровь в удивленье подняв,
Означить недоуменье:
К чему это солнце,
не кончив закат,
К восходу имеет стремленье?

Я вам окажу
немедленно помощь:
И люди,
и город тот
солнцелищный,

И шум —
всё это
игарская полночь,
Полночь
заполярной
столицы!

А вот — совсем как будто в иной манере выписанные и увиденные, в пору импессионистов вспомнить (или, почему-то, полотна Петрова-Водкина вдруг приходят на ум...), — вот хоть часть строчек из дивно вытесанного, будто

заполярный осенний, с инеем на нём, «каменный цветок», вот часть строчек из стихотворения с нерусским вдруг названием (а международный речной и морской порт потому что!) «Good bye!»:

Никаких осенних позолот!
Как и летом — дали изумрудны,
Только в золоте лучей пылает порт,
Напоённый ароматом чудным

Приангарских девственных лесов,
На распил приплавленных сюда,
И звучит на сотни голосов
Радостной симфонией труда.

Весело, приятно и свежо!
Разрумяненные утренней прохладой,
На причалах собираются в кружок
Грузничьи подсменные бригады.

И, обрадовавшись вёдренному дню,
Англичанину-приёмщику басово
Бригадир промолвит: — How are you?
Иностранец вымолвит: — Здорóво!

Хорошо и ясно на душе,
И немного грустно — всё же осень...
Как ни теплит солнце свет лучей,
Убраны последние колосья

В нашем дальнем северном краю —
Дни становятся короче и короче,
И над тундрой лебеди на юг
Улетают от полярной ночи...

Вон как машет нитка длинношеих
Крыльями размеренно и строго.
Оттого и грустно. Енисей!
Голубая лебединая дорога!

Но пока по-прежнему в порту
Визг лебёдок, смех, гудки и говор.
Только белый иней поутру
Предвещает вьюжистую пору...

...И вот закрываешь обложку этой не толстой, старой, такой разной по вошедшему в неё книжки.

«Стихи о Енисейском Севере», сочинения Петра Казачкина... Семь стихотворений. Как семь драгоценных камешков, неведомо как попавших в шкатулку, где и фианиты попадают, и стразы...

И почему-то вспоминается вдруг Чехов. «... Она начала так: „Мороз крепчал...“... Прошёл час, другой. В городском саду по соседству играл оркестр и пел хор песенников. Когда Вера

Иосифовна закрыла свою тетрадь, то минут пять молчали и слушали „Лучинушку“, которую пел хор, и эта песня передавала то, чего не было в романе и что бывает в жизни».

И снова открываешь и перечитываешь...

Подборка стихов Петра Алексеевича Казачкина была первой его книжной подборкой. Но она оказалась и последней.

Солнце поднималось над Заполярьем, и над Красноярском, и над Енисеем.

Солнце-солнышко...

Солнышко последние лучи
На землю бросает, золотое.
Птичий гомон стих, тайга молчит,
Енисей спокоен.

Только слышно — всплеску вёсел в такт
Издаётся песенка звенит.
Бакенщик плывёт на перекат
Зажигать огни.

Чтобы знали лоцманá судов,
Где фарватер безопасен и глубок,
И после — пару тёплых слов
Тем, кто их зажжёт.

Это — единственное, кажется, из его опубликованных после 1938 года стихов: страничка 51 во втором номере «Сибирских огней» за 1939 год. Не увидят печати и писавшиеся им короткие рассказы.

Вскоре (судя по датировкам писем его друзей — в конце 1938 года) его внезапно увольняют из издательства, якобы — за двадцатиминутное опоздание на работу. На самом деле — к тому времени был арестован любимый младший брат работающего в ответственной идеологической сфере Петра Казачкина, молодой художник. И опального теперь издателя отправляют на работу в «районку», в Уяр.

Ни очерки, ни тем паче стихи его в этом издании, называвшемся «За ударные темпы», нужны не будут. В Гапенко приводит названия некоторых его публикаций в Уяре: «Результаты культурной обработки почвы», «О зяби», «О ремонте комбайнов»...

Он продолжает, теперь уже «дистанционно», помогать друзьям готовить первый выпуск будущего «Красноярского альманаха». Но номер выйдет без упоминания его имени и в содержании, и в выходных сведениях. Как будут с горечью сообщать ему друзья, «крест» поставлен и на всех других его, казавшихся такими возможными, такими близкими, публикациях. Иван Кокорев однажды будет звать его обратно в издательство — а он всё будет ждать выхода своей книги. И — кормить выросшую семью. «Стихи

не пишу — огородничаю...» (А. Шадрин упоминает в одной из своих публикаций о том, что И. В. Кокорев потом тоже ушёл из издательства. Информации о причинах и обстоятельствах этого мы не имеем. Известно только, что он был на войне, вернулся потом в Красноярск, оставался «вне литературной деятельности».)

Война. Она оказывалась всё ближе к поэтам и их читателям...

Когда начнётся война, Казачкин, несмотря на бронь, в первые недели добровольцем уйдёт на фронт и погибнет по дороге в вагоне разбомблённого фашистами поезда. Долго будет числиться в пропавших без вести. «О *Петре Казачкине ни слуху ни духу — он и не напишет. Либо смерть найдёт в какой-нибудь сумасшедшей вылазке, либо вернётся Героем...*» — строчки из письма С. Сартакова А. Шадрину в ноябре 1943 года...

Сергей Сартаков, вспоминая литературную жизнь Красноярска той поры, напишет ещё такие слова, которыми можно заключить эту часть рассказа о стихах 1930-х и их непросто пути к современному нам читателю: «*Сейчас забавными представляются те бури в стакане воды, а тогда это была литературная жизнь, незримо, таинственно производившая свой естественный отбор...*»

Литературная жизнь в Красноярске конца тридцатых действительно, судя по писательской переписке, была бурной и изобилывала порой и конфликтами, и столкновениями. Но были в ней и — стихи, которые писали настоящие поэты...

...Благодаря этому-то «незримо, таинственно происходившему естественному отбору», о котором говорит С. Сартаков, и дошли до нас все они — и справедливо, и несправедливо забытые, эти вновь читаемые нами спустя несколько поколений стихотворные строки...

Эссе восьмое

«Целую ночь бьюсь над строчкой, не зная, с чего начать...»

(Книги и судьбы поэтов рубежа тридцатых — сороковых годов)

Собиравшиеся на свои «Литературные пятницы» на улице Урицкого, 98, в краевом издательстве, ютившемся в «ветхозаветном двухэтажном доме с облезлыми кирпичными боками» (цитата из работавшего поколением позднее в издательстве И. И. Пантелеева), красноярские литераторы мечтали о создании местной писательской организации. Однако первое постановление о её учреждении, по словам исследователей,

подготовленное ещё в 1938 году, до войны реализовано не было. Но стала осуществляться (правда — очень медленно) другая мечта пишущих сибиряков — о выпуске собственного периодического печатного издания.

Вслед за «Сборником начинающих писателей» 1938 года, в августе 1940 года подписан был к печати интереснейший и очень неожиданный для той эпохи томик: «Енисей в стихах и легендах». В него вошли литературные и фольклорные произведения за столетие с лишним, 1828–1938 годы, не только поэтов советских, но и дореволюционных. Рядом с русскими классиками — знакомые нам по прошлым выпускам цикла «(Не)забытые голоса Сибири» красноярцы века девятнадцатого — А. Кузьмин и И. Петров, и тут же — совсем молодые современные авторы. Рядом с темой Гражданской войны и сибирских сылок Ленина и Сталина — легенды о Енисее, исторические и пейзажные зарисовки великой реки (всего в книге семь тематических разделов).

Среди авторов послереволюционной поры — уже знакомые нам имена: Ф. Лыткин и В. Кручинин, В. Долгушин, Т. Рагозин, А. Ольхон; рядом с их стихами — произведения сибирских поэтов, заявивших о себе в двадцатые или в тридцатые годы, активно печатавшихся в «Сибирских огнях», — Льва Черноморцева, Ильи Мухачёва, Игнатия Рождественского... Составителями этого уникального сборника стали начинающий тогда журналист Афанасий Шадрин и его земляк Пётр Трофимов, работавший (как вспоминает А. Шадрин) директором единственного красноярского книжного магазина и сотрудничавший с издательством. Существенную помощь оказали составителям хорошо знавшие книжную историю Красноярья местные библиофилы и краеведы во главе с И. М. Кузнецовым.

А 31 июля 1940 года наконец-то вышел в свет первый номер литературно-художественного журнала «Красноярский альманах» (сдан был в печать, как писал С. Сартаков в письме П. Казачкину, 28 декабря 1939 года; в выходных сведениях значится дата 17 декабря 1939 года).

«Красноярский альманах: книга первая»... О факте выхода первой книги альманаха в сороковом году вспоминают часто как о начале будущего краевого альманаха «Енисей». Реже упоминают о том, что за несколько месяцев до начала войны, весной 1941 года, успеет выйти ещё и книга вторая.

Он действительно был долгожданным, этот ежегодник. Несколько лет до этого издатели, писатели и чиновники ведут эмоциональные диалоги о нём и в прессе, и в официальной и личной переписке, он регулярно появляется и — исчезает из ежегодных планов издательства. И вот это событие — случилось.

В первый выпуск вошли первые части романа будущего сибирского классика Сергея Сартакова «Хребты Саянские» и повести «В хакасских степях» Витольда Гурницкого (абаканского писателя-самоучки, потомка ссыльных поляков, наставника абаканских авторов, с благодарностью вспоминаемого знавшими его). Напечатаны в альманахе были и несколько сибирских сказок, записанных знаменитым красноярским музееведом и фольклористом Марией Красножёновой.

В книге первой не очень много поэтических имён, да и те, к сожалению, большей частью ничего или совсем мало говорят современному читателю, впрочем, как и имена большинства других молодых стихотворцев тридцатых годов, которые мы уже называли в прошлых выпусках цикла «(Не)забытые голоса Сибири».

Ну действительно, много ли сейчас скажут «широкому читателю» эти имена? Георгий Дубинин и Александр Керн, Иван Рожин, Алексей Старостин. Александр Староватов, Виталий Качаев... Вероятно, где-то в сохранившихся письмах, подшивках, документах, рукописях можно отыскать какие-то подробности жизни этих литераторов и их творчества.

Но некоторые из незнакомых массовому читателю имён поддаются «расшифровке» после изучения доступных архивных или опубликованных документов и мемуаров, после знакомства с отдельными локальными публикациями исследователей.

Попробуем хотя бы бегло набросать или собрать воедино штрихи к портретам отдельных красноярских поэтов, участвовавших в литературной и издательской жизни той поры.

Например, были опубликованы в первом выпуске альманаха произведения Михаила Маркова. Стихи у него, пожалуй, вышли одновременно несколько риторические и бытово-описательные:

Опять весна. Уже давно воспеты,
Не раз воспеты солнечные дни.
И всё-таки опять о них поют поэты
И будут петь, пока живут они.

Опять весна. Крылом гусыня машет.
Кудахнут громко куры у двора.
На тёплый мякиш чернозёмных пашен
Выходят, громохая, трактора...

В том же 1940 году в подборку произведений красноярских авторов в «Сибирских огнях» войдёт стихотворение М. Маркова «Спутница». Некоторая неожиданная отстранённость стихов от реального мира, умозрительность образа лирического героя вызваны, видимо темой. Любви,

точнее — мечте о ней автор посвящает стихи, написанные в классической форме сонета:

...Брожу я городом. Опять со мною
Она весь вечер нежно говорит.
Над нами — между небом и землёю —
Качаются жар-птицы фонари.
Я не расстанусь с ней. Она в крови —
Моя мечта о солнечной любви.

Исследователи говорят, что автор этих строчек — учитель литературы и директор школы в Игарке М. И. Марков, будущий участник войны, о котором расскажет в своём очерке 1943 года Казимир Лисовский, и приводят ещё одно его стихотворение, под названием «Из фронтового блокнота», опубликованное в том же 1943 году Красноярским книжным издательством во «фронтовом» сборнике «На запад!».

Невозможно не сказать здесь слова благодарности сотрудникам краевой научной библиотеки, оцифровавшим и выложившим в интернете многие книги Красноярского издательства. Его читаешь как будто иными глазами, этот фронтовой сборник... И в очередной раз понимаешь, что советским поэтам тех лет испытания священной войны помогли обрести духовную зрелость, найти точные поэтические образы, отобрать нужные слова, сделать ритм стиха упругим и, в итоге, — тронуть простыми, непафосными, искренними эмоциями сердца читателей, к которым стихи были обращены...

Из фронтового блокнота

Весенний вечер тот был мрачен,
Руины горя горячи.
Над пеплом гнёзд сожжённых плача,
Кружились старые грачи.

Они спешили в непогоду
Из тёплых стран в родимый дом,
Чтоб ночевать под мирным сводом
На тихих вёглах над прудом.

Но нет ни вётел, ни избушек,
Нет звуков мира и труда.
И только жерла чёрных пушек
Торчат из красного пруда.

И негде, негде приземлиться
Им после долгого пути...
Я слышал, как рыдали птицы,
По-человечески почти.

И я почувствовал в рыданье
Друзей пернатых в том огне
Тоску, и горечь, и страданье,
Любовь, и ненависть, и гнев.

Сидели немцы за ометом
И, по привычке палачей,
Расстреливали пулемётом
Над пеплом плачущих грачей.
Я поднял знак бойцам расчёта —
Приподнял, опустил ладонь:
— По пулемёту, по омету
За наших мирных птиц — огонь!

Среди поэтических имён, встречающихся в красноярской периодике и сборниках тридцатых — сороковых — и уроженец села Каратузского Григорий Каратаев. В своё время о нём часто писали и рассказывали журналисты, но прошли годы — и его судьба и стихи ушли как бы в тень. Напомним, что его называли «сибирским Островским». В двадцать лет, в 1929 году, он, будучи линейным монтером телефонной станции, получил травму позвоночника, оказался на тридцать лет прикован к постели. Но сломлен не был, писал стихи, много общался с людьми. В годы войны его произведения печатали фронтовые газеты, вырезки с его стихами хранили его земляки, которым он их посылал:

Не поддамся сомненьям тревожным.
Верю, кончатся скоро бои.
И, покрытые пылью дорожной,
Я пожму ещё руки твои!

А в тридцатых годах его стихи вошли в «Сборник начинающих писателей», о котором мы рассказывали в прошлом выпуске. «Бабушка и внуки» — это своеобразная зарисовка из жизни семей сибиряков тридцатых годов. Внуки просят бабушку рассказать сказку, она отвечает:

...В наше время бы пожили —
Не до сказок было б вам:
В риге рожь сейчас сушили,
Чли б Писанье по складам.
Ваш отец-то вот, колхозник, —
На машинах хлеб-ат жнёт.
Две газеты и «Безбожник»
Из Москвы ему идёт.
Подайся, поди, до клуба
Конституцию читать.
Мать-то вслед. Надела шубу.
Тоже всё мечтает знать!..

Ещё одно имя. Оно упоминается в 1935 году в заметке в «Красноярском рабочем» о встрече нескольких молодых красноярских поэтов с читателями (её текст мы приводили в прошлом выпуске цикла), но в дальнейшем исчезает со страниц периодики: «поэт Михалковский».

Полагаем, что речь идёт об Александре Францевиче Михалковском, 1902 года рождения,

члене Иркутской ассоциации пролетарских писателей, из Иркутска направленном по партийной линии в Енисейск, на должность редактора местной газеты «За большевистские темпы». В 1935 году он был снят с этой работы и переведён в Красноярск, в отдел агитации и пропаганды крайкома, затем, до ареста в августе 1937 года, был заведующим Красноярским краевым радиокомитетом. Сначала был обвинён в том, что «не вскрыл подлинное лицо» зятя, бывшего белого офицера, затем — в участии в контрреволюционной террористической организации. На суде отказался от ранее данных показаний. Расстрелян, в 1958 году реабилитирован.

Писать и публиковаться он начал с 1926 года, сразу став активным членом будущей Иркутской писательской организации. В номере 7–8 «Сибирских огней» за 1931 год была даже напечатана его небольшая поэма «Отступало солнце», посвящённая «Учебному разъезду Бирюсинского лесозавода»:

Отступало солнце
За кедровым бором.
Ночь за ним
Скакала по пятам.
Звенья звёзд
Расставила в дозоры
По волнистым серым облакам.

Горизонт угрозой бури вспенен.
Бор в угрюмой тишине устал.
Вдруг..
У ветра лопнуло терпенье —
Вести жуткие
Раскинул по кустам.

Часовой,
Как ночь,
Такой же чёрный,
Чутким
Ухом
Топот
Перенял.
Он товарища за плечи дёрнул
И метнулся
Круто
На коня...

Учебный бой, в который вступает отряд бирюсинских заводчан, — он хоть и учебный, но очень важный:

...Враг с засады грянул в наступленье,
Ощетинившись рядами пик.
Отступить нельзя —
Обрывом берег,
Вражья цепь сжимается тесней.

Смелый враг в свою победу верит.
Пулемёт хохочет на сосне.
Жаркий бой.
Бойцы смешались в кучу.
Пулемёт умолк.
Клинки звенят.
Да гроза, кромсая в небе тучи,
Расчеркалась молнией огня.
Битва длится.
Чу!
Гудок
Завода.
Он в борьбу ворвался, как арбитр,
То сигнал —
Пришёл
Конец
Похода.
То пришёл
Конец
Осовских битв.
Мы дрались в степи не для потехи
И летели лавою во тьме,
Чтоб ударник,
Как за рамой
В цехе,
Биться
Ловко
В коннице умел.

Стихи очень характерные для времени своего написания (конец двадцатых — начало тридцатых годов), заставляющие вспомнить поэтические опыты молодых авторов тех лет, с их героикой буден и воспеванием силы коллектива, с «телеграфным стилем» в ритме и лексике стиха, с определённым неизбежным влиянием конструктивистских и экспрессионистских опытов ряда комсомольских поэтов тех лет. Вероятно, отдельные стихи А. Михалковского можно и сейчас разыскать в уцелевшей иркутской и красноярской периодике 1920–1930-х годов.

Во втором выпуске «Красноярского альманаха» были размещены стихи Лии Борисовны Гераскиной. Мы уже упоминали это имя. Оно хорошо знакомо советским и российским школьникам в связи с продолжающей оставаться одной из самых известных и любимых детских сказочных повестей «В стране невыученных уроков» (фактически это трилогия, больше всего ребятишкам известна первая книга и советский мультфильм, по ней в своё время снятый). Ещё одно очень известное произведение Гераскиной — «школьная» пьеса «Аттестат зрелости», по которой был поставлен популярный фильм с Василием Лановым в главной роли. Но взрослые сибиряки это имя вряд ли ассоциируют с литературной жизнью Красноярска. Между тем с Красноярском были связаны десять с лишним лет её жизни и творчества.

Родившаяся в 1910 году в Новороссийске, Лия Гераскина в 1938 году, после работы в Магнитогорске и других городах (как мы помним, все тридцатые годы — это время частых переездов представителей советской интеллигенции из одного населённого пункта в другой: время было такое), оказалась вместе с семьёй в Красноярске. Одновременно с А. Шадриным начала работать в «Красноярском рабочем», сначала литсотрудником, потом «городским репортёром» (с Шадриным они бросили жребий и поделили между собой город на зоны своих корреспонденций), стала известным в городе спецкором.

В годы войны была добровольцем в местном эвакуационном пункте, вступила в партию, возглавляла детскую техническую станцию. После войны стала работать в Красноярском радиокомитете, где и начала свою успешную драматургическую деятельность (пьеса «Аттестат зрелости», которую тогда поставят во многих ТЮЗах страны, была напечатана накануне её отъезда в Москву в альманахе «Енисей»).

Поэзией Лия Борисовна увлечена была с детства и отрочества (даже выпускное сочинение умудрилась написать в стихах!). Эта любовь к стихам соединилась у неё с редко кому из взрослых дающимся умением понимать детскую психологию и разговаривать с детьми не сюсюкая, а на понятном им языке. Герой одного из стихотворений Гераскиной — «Белобрысый мальчик», которого папа с мамой любят называть «разнеженными кличками». Поэт втолковывает его родителям:

...Он — мужчина. Велика мечта его
Быть в боях похожим на Чапаева
И коня иметь такого быстрого,
Чтобы съпались подковы искрами,
Чтобы меч тяжёлый, заколдованный,
Золотыми кольцами окованный,
На боку висел, а рядом — маузер;
Чтобы он стрелял, рубил, приказывал;
Чтобы целый арсенал оружия,
Словно в сказке, сам ему прислуживал.
Вот он спит, ручонка загорелая,
В розовых царапинках, сжимается.
Что он видит? Вероятно, с белыми
По привычке и во сне сражается.

Вот теперь его целуйте, спящего,
Воина, оружием звящего,
Своего «Чапаева» безбрового,
Своего «Суворова» сурового.

Самобытное поэтическое вкрапление в две успешные выйти книги «Красноярского альманаха» — страницы, связанные с устным

народным поэтическим творчеством Приенисейской Сибири.

Книгу «Красноярский альманах» 1940 года завершают «Песни нганасанов» — подстрочники нескольких произведений современного северного фольклора, записанных и переведённых Борисом Осиповичем Долгих.

Это ещё одно связанное с историей нашей земли и её научным освоением имя, очень значительное, но в основном известное кругу специалистов-сибириеведов. В будущем — доктор исторических наук, автор ряда блестящих монографий, Борис Долгих с 1926 года участвовал в историко-этнографических экспедициях по северным территориям нашего региона, успел побывать в Туруханском крае и в ссылке — за неосторожную критическую фразу о коллективизации, а с 1937 по 1944 год заведовал этнографическим кабинетом в Красноярском краеведческом музее. Внёс значительный вклад в исследование истории и культуры народностей Сибири, его перу принадлежит множество публикаций о кетах, нганасанах, энцах, долганах, якутах, эвенках...

В 1938 году в Красноярском издательстве вышел составленный им сборник «Легенды и сказки нганасанов». А среди подготовленных учёным к публикации в альманахе 1940 года «Песен нганасанов» есть, например, запись песни «Женская доля» (это произведение было записано в устье реки Логаты в октябре 1938 года). Интерес представляет сопряжение в одном тексте исторически и образно точно осмысления носительницей текста (сорокалетней нганасанкой Порбиной Дюрукуры) горькой вековечной участи представительниц этого малого народа и — особенно яркой после этого горестного и убедительно-безнадёжного рассказа уверенности в лучшем будущем её детей, связанной с социалистическими преобразованиями большевиками Заполярья. Несмотря на то, что перед нами не поэтический перевод, а всего лишь подстрочник, магия простых строф и сохранённой в подстрочнике манеры мысли и речи (своего рода — северного говора) не может не захватить читательское внимание...

Женская доля

Ты спрашиваешь меня:

Много ли я выделала оленьих шкур?

Хэй! Если все шкуры, мною выделанные, сосчитать — Тысячу, больше тысячи я выделала.

На мои руки посмотри.

Не как старая ли они ровдуга?

Женские руки такие всегда были.

Мою спину ты видишь?

Не сторблена ли она?

Женская спина такая всегда была.

Моё лицо ты видишь?

Не почерневшее ли оно?

Женское лицо всегда таким становилось.

Моя дочь — не хороша ли?

Хороша.

Так, как я, она жить будет?

Нет, однако, так она не будет жить.

Я раньше о комсомоле слыхала?

Всю жизнь свою ничего не слыхала.

Моя дочь о Ленине и Сталине знает.

Я же о них слышала теперь.

Может быть, я иначе буду жить.

Уже сейчас я иначе живу.

Эй! Была бы я молода, как моя дочь:

Моя дочь хорошо стала жить.

Я же хорошую жизнь увидела,

Только старухой став.

В первую и вторую книги альманаха вошли, как мы уже упоминали, основанные на хакасском фольклоре произведения Ивана Ерошина: в первой книге — фрагмент трагедии «Золото», и во второй книге — поэма-сказка «Хаттых Темир».

Вот волшебным образом мгновенно переносящий читателя в неведомый ему мир, в неповторимую атмосферу народного гуляния зачин поэмы о хакасском богатыре:

Ал закат, в долине мглисто, месяц-льдинка светел, юн,

Каиргасов род справляет шумный и богатый тун.

Словно звёзды в зимнем небе, возле юрт костры блестят.

От котлов, кипящих тихо, мяса, лука аромат.

От айрана пахнет сыром, вкусен пенистый айран.

Свежий, в кадках он дымится, словно над рекой туман.

Гости шумны, говорливы, веселится молодёжь.

Там, где хмель, смелее речи и труслива часто ложь.

Вдруг в неясный, громкий говор страстно песня ворвалась,

Все в мгновение замолкли, покорила песни власть...

Красноярский литературовед Г.М. Шлёнская писала о кропотливом и тщательном изучении поэтом жизни, быта, фольклора хакасской земли, которое предшествовало появлению этих созданных рукой мастера произведений:

«Иван Ерошин много ездил по хакасским улусам, с жадным интересом изучал историю, язык, обычаи и фольклор родственных алтайцам хакасов, в чём ему немало помогала жена, человек самобытный и талантливый, хорошо

к тому же знакомый с хакасскими диалектами. Результатом вхождения Ивана Ерошина в новый материал стала поэма о защитнике хакасской бедноты „Хаттых Темир“, работа над трагедией из жизни хакасов „Золото“, публикация переложений ряда хакасских сказок и легенд».

Во втором выпуске альманаха была опубликована и так называемая «новина» (вид считающегося исследователями псевдофольклорным повествования на современные темы в подражание былинам («старинам»). Новины появились и были распространены в советской околотературной среде в тридцатые — пятидесятые годы двадцатого века.

Автор «сибирской новины», названной «Про Гражданскую войну», — жительница села Зелёево Емельяновского района Екатерина Ионовна Чичаева. Имя этой незаурядной сказительницы достаточно часто звучало в двадцатых — пятидесятых годах в Сибири. Первой её «индивидуальное устное поэтическое творчество» представила в своих публикациях М. В. Красножёнова, а с конца тридцатых годов и вплоть до его смерти в 1953 году с «Ионовной» работал ещё один интересный исследователь, бывший иркутянин Александр Вениаминович Гуревич, позднее ставший одним из первых членов Красноярской организации Союза писателей СССР.

В записанной им для альманаха новине действуют собирательные и исторические персонажи. Главные положительные герои — коллективные («красные полки» и «силы партизанские»), которых к новой жизни и к победам в Гражданской войне ведут «ясные соколы Ленин да Сталин», а также командиры — Будённый с Ворошиловым и Щетинкин. Здесь же и многочисленные враги героев: «царь Николка», помещики, буржуи, «попы окаянные, долгогривые», «Краснов со Деникиным», «Антанта — долгохвостая, кровожадная». Тут же появляется и «негодяй Троцкий», который «сонаёмщикам ворота растворил, и хотел он взять ключи от силы рабочия и передать в руки буржуйские» — но «... скоро сдогадались наши ясны соколы, они узнали об изменушке, об изменушке великою»... Но главный антагонист, с которым борются и которого побеждают в этой сибирской новине коллективные красные герои, — «зверь Колчак»:

...А разинул было пасть лъвиную зверь Колчак.

У его туловище-то было звериное,

Голова-то была змеиная,

Пасть его лъвиная.

Он ел котлеты — мясо человецкое,

Он пил вино — кровь рабочую.

Увечил-калечил Сибирь-матушку.

И был тут рабочий люд под огнём да под палками,

Под шомполами и под прикладами,

Под плетями да под нагайками...

«Зверь Колчак» после проигранных им под Омском боёв с красным воинством пытается по железной дороге добраться «до Байкала — моря священного». «Да не тут-то это было, да не так-то это вышло...»:

Партизаны-то наши сибирские — удалые,

Не заспали, не задремались,

По трактову-то дороженьку

Понаставили пни, колодины,

Накопали рвы да ямины.

Едет-то Колчак, за пни задевается,

За колодины запинаясь,

Из одной ямы вылезет,

В другу падает.

По дороге-то буржуйчики его теряются,

По трактовой-то генералы и полковники

Валяются.

Им были пути непроходимые,

Заграждали путь сугробы снежные,

Перерезали овраги глубокие.

Чахли, гибли колчаки тут от мороза и от голода,

И бросали колчаки тут всё награбленное,

Всё награбленное, всё крестьянское,

И бежали нагёшеньки,

Как собаки голоднёшеньки...

...Интересно это на наших глазах происходящее превращение одного конкретного врага в коллективный, обобщённый образ «врагов-колчаков», изгоняемых красными воинами с советской земли.

А красные-то воины

У океан-моря поклялися,

Что будут служить они

Верую да правдою...

...Постоим-то мы грудью

За родину великую,

За вождей-то дорогих, своих товарищей,

Мы за Ленина и за Сталина,

За честной за народ,

За силу за рабочую,

За силу за крестьянскую...

Любопытен был бы углублённый анализ этой сибирской новины — например, влияния на сказительское творчество Е. И. Чичаевой: с одной стороны — архаических традиций «старо-былинного» фольклора, с другой — современного ей сказительского опыта Восточной Сибири, в частности — новин, песен, преданий о Гражданской войне, бытовавших на Байкале, где

происходит действие заключительных эпизодов её новины (эти фольклорные произведения хорошо знал работавший со сказительницей А. В. Гуревич).

Представляют немалый интерес и те мотивы и образы новины Чичаевой, которые непосредственно связаны с Красноярским краем, например — во вставной новелле «Про завод-то про Знаменский, как приехали в него каратели...», имеющей самобытный характер.

Сравнение содержания двух книг альманаха, 1940 и 1941 годов, показывает, что издатели учли те критические отзывы, которыми «одарили» их коллеги после выхода первого выпуска. Известный новосибирский критик (в прошлом — член группы «Настоящее», борющейся с В. Зазубриным) Анатолий Высоцкий сетует на страницах шестого номера «Сибирских огней» за 1940 год на отсутствие в альманахе произведений о современности, о «борьбе „Красноярской республики“ с царскими сатрапами в 1905 году», о «высоко поднявшейся в 1918–1919 годах волне партизанского движения, вождями и героями [которой] были Щетинкин и Кравченко». И это, пожалуй, самая идеологически серьёзная претензия в адрес издательства.

«Писать о прошлом, хорошо писать — надо. Художественная литература — спутница истории, — говорил М. Горький. — Однако проходить мимо современности, советской современности, — непозволительно. Художественная литература должна воспитывать любовь к социалистической родине. Как же это можно сделать, если, подобно „Красноярскому альманаху“, ни словом не обмолвиться о сегодняшнем нашем строительстве и наших людях — строителях социализма?»

Во второй книге альманаха меняется редактор-составитель, им становится Тимофей Степанович Аврамич, журналист и партийный деятель, будущий начальник крайполиграфиздата. Исчезает, как и не было её, редколлегия, в которой в первом выпуске значились, помимо представителей издательства, Мария Красножёнова, Сергей Сартаков и (это ещё одно новое для нас имя) один из активных участников «Литературных пятниц», заведующий кафедрой литературы Красноярского пединститута Сергей Фёдорович Савинич (погибнет в 1943 году на фронте).

Зато в новой книге альманаха появились поэтические произведения о Гражданской войне, стихи о социалистических преобразованиях Сибири и о советской молодёжи. Неожиданным элементом второй книги альманаха становится публикация поэтических переводов. Сделаны они жителем города Красноярска Иннокентием Кудрявцевым (?), который обратился к сонетам недавно эмигрировавшего в Советский Союз

из фашистской Германии немецкого коммуниста и поэта, будущего автора гимна ГДР Иоганнеса Бехера:

...Народ, за всё, чем стал, благодарю тебя.
Я лишь тобой живу. Последнее пусть слово
Моё дойдёт к тебе. Не отвергай сурово
Его в последний час, впитай его в себя...

«Каковы бы ни были недостатки альманаха, он всё же послужил началом собирания писательских сил Красноярского края», — заключал свою рецензию в «Сибирских огнях» А. Высоцкий. Но о вошедших в первую книгу «стихах, серых и стоящих примерно на одном уровне» рецензент своего слова не сказал.

В чём-то критик был, конечно, прав. Но между тем в первом выпуске были опубликованы и такие стихи, которые вряд ли можно было назвать серыми. Это, прежде всего, подборка стихов Казимира Лисовского, к этому времени, несмотря на молодость, не только успешно сотрудничавшего со всеми красноярскими газетами, но и стремительно выраставшего в самобытного автора.

В подборке Лисовского, конечно, представлены идеологически созвучные эпохе строфы («Юностью, не знающей покоя и не покорившейся судьбе, каждой песней, каждой строкою я обязан, родина, тебе...»). И темы стихов тоже созвучны историческим постулатам этого периода: Шевченко — в ссылке в казахстанских степях, Лермонтов — в изгнании на Кавказе... Но отдельные строчки — цепляют внимание, остаются в памяти образами, ритмом, звукописью...

Вот так начинается стихотворение с названием-аллюзией «Смерть поэта»:

Пугливо мчатся грозные тучи
Над гордою вершиной Машука.
В последний раз
Глядит на них поручик
Тенгинского пехотного полка...

Дальше — правильные и фактологические, по сути, строки, которые мы можем опустить («Там, за горами, сумрак ненавистный. Великосветской подлости печать. В могиле — Пушкин. В ссылке — декабристы. И даже руку некому пожать...»).

Но вот — финал, подобно песне перекликающийся с «запевом» стихотворения:

...Такой грозы земля ещё не знала,
Казалось —
У подножья Машука
В отчаянье Россия отпела
Поручика Тенгинского полка!

И вот (другим размером, другими ритмами и образным строем, с иными даже цветовой гаммой и звуковой партитурой — каким-то чудесным кинематографическим образом слившись в единое пластическое решение) — начало стихотворения о «Шевченко в ссылке»:

Степь и степь... Горьковатый, дурманящий
запах полыни,
Серебро ковыля, фиолетовый цвет медуниц.
Только сокол мелькнёт чёрной тенью
на голой равнине,
И протяжная песня надрывной тоской зазвенит...

Дальше — можно вновь смело опустить пять строк («Ночь. мерцанье свечи... Он тайком, озираясь несмело, достаёт карандаш и бумаги клочок; из стихов виден проблеск грядущего, песня борьбы загремела. Здравствуй, радость победы! Но окрик суровый — и вновь...»).

И вновь — настоящие строки, финал, опять зеркальный по отношению к началу:

Оренбургская степь, сумасшедшая
дробь барабанов,
И двуглавый орёл чёрной тенью кружит
над страной...
А заря далека, вся равнина — в молочном тумане,
И на травах — роса, и мучительно веет весной...

И вот — ещё одно, поначалу ничего не говорящее современным читателям имя автора, открывающего своим стихотворением первый выпуск альманаха: Михаил Юрин.

Стихотворение называется «Красноярск».

Сами стихи начертаны опытной рукой, но, пожалуй, особого читательского интереса и эмоционального отклика могут и не вызвать:

Он стоит,
Задумчивый и строгий,
У великих
Северных ворот.
Он ведёт воздушные дороги
От Тувы
До ледяных широт.

Над его лесами
Ветры веют,
Горы
Упираются в закат.
Берега
Седого Енисея
Песни легендарные
Хранят.

Сквозь пургу
И седину туманов

Он пронёс
В страну большевиков
Юность нещев,
Думы нганасанов,
Радость
Эвенкийских пастухов...

«Как мало в этих строчках поэтического!» — восклицает по поводу этого стихотворения рецензент «Сибирских огней». Но прав ли А.Высоцкий, не прав ли, а наш, современного пытливого читателя, интерес связан сейчас, скорее, не со стихами, а с их автором.

«Забывшие голоса» — это как раз о нём, о Юрине.

«Ниточки» этой забытой судьбы, оказалось, возможно «потянуть» с самых разных сторон. От Маяковского. От Есенина. От молодёжных московских журналов двадцатых годов. От дома-музея И.В.Сталина в Курейке сороковых. От Тифлиса и Баку начала и конца двадцатых годов. От Российского государственного архива литературы и искусства, где хранится впечатляюще разномастный личный архив этого автора...

Имя, действительно как бы затерявшееся где-то в пятидесятых годах двадцатого века, по дороге к нашим дням. Отдельные факты из поздних периодов его жизни (преимущественно в связи с его деятельностью в Курейке, Игарском районе и Туруханске) приводятся в работах краеведов, исследующих историю северных территорий Красноярского края, — В.Гапеенко, М.Мишечкиной, Т.Сергиенко и других. Упоминание об «известном (!) поэте», наведшемся в Красноярский край, встречаются в переписке А.Шадрина и его собратьев по перу.

Но почти все энциклопедические издания, в том числе литературные энциклопедии (и довоенная, и краткая), своим вниманием Юрина обошли. Небольшую биографическую справку о нём поместил в 1928 году в первом своём выпуске «Био-библиографический словарь русских писателей XX века: Писатели современной эпохи», тираж которого почти весь был, как известно, уничтожен и оказался на долгое время читателям недоступен.

Какие-то отдельные строчки о Юрине встречаются в документальных публикациях о Маяковском, Есенине и других литературных деятелях двадцатых — сороковых годов двадцатого века. Ещё один потенциальный источник информации — небольшие биографические заметки самого Юрина и о Юрине, размещённые в нескольких ранних сборниках его стихов, которые он успел в двадцатых годах выпустить, в основном — в Закавказье, да разбросанные по периодике небольшие заметки и рецензии.

Большой интерес представляет, пожалуй, его документальное автобиографическое повествование «Записки подававшего надежды». В 1929 году «Записки» были опубликованы в журнале «Октябрь», а в 1931 году вышли в издательстве «Молодая гвардия» отдельной книжкой. Именно на эту книжечку опирается М. Ф. Пьяных, автор биографической заметки о М. Юрине, опубликованной в антологии «Комсомольские поэты двадцатых годов» — книга эта успела выйти до конца перестройки, в 1988 году, в «большой» серии «Библиотека поэта». (Поскольку «Записки» написаны до 1929 года, остающаяся часть жизни героя в заметке в этой антологии обозначена бегло, коротким абзацем на пять строчек. Исследователям ещё предстоит изучить столичные и красноярские архивные фонды соответствующих периодов.)

Если попытаться кратко обозначить сходящиеся и разлетающиеся вновь линии этой незаурядной (и одновременно — очень в чём-то типичной для того периода) судьбы, то получится такая картина.

Из трёх называемых в различных источниках годов рождения Михаила Парамоновича (иногда указывается другое отчество — Петрович) Юрина (1893, 1895, 1905) наиболее вероятным, видимо, является 1895-й, указанный в упомянутом выше словаре «Писатели современной эпохи», основанном на анкетах и текстах, предоставленных самими писателями.

Раннее сиротство («Родственных чувств не понимаю. Рос сиротой...») — напишет он однажды).

Боль матерей ничем нельзя объять:

Ни звуком строк, ни тёплой лаской слова.

Как тяжело, что с детства у меня

Нет ни отца, ни матери, ни крова...

«До 14 лет жил в деревне, был пастухом...» Затем — скитания, тщетные попытки получить хоть какое-то образование; наконец, с саратовских просторов, где он появился на свет, жизнь забрасывает его на нефтяные промыслы Северного Кавказа, на завод «Молот», где он работает до 1918 года: «Жизнь люблю за то, что она с детства приучила меня к борьбе, а Кавказ люблю за солнце, за яркие краски, за простоту народностей и за мягкую песенную радость...»

Потом Поволжье, Самара и снова — Кавказ и Закавказье: Тифлис, Баку. Комсомол, первые стихи и первые сборники: «Целую ночь бьюсь над строчкой, не зная, с чего начать и чем кончить, а утром читаю рабочим что-то похожее на стихи...»

Несмотря на небольшой собственный стихотворный опыт, он начинает руководить

литературными объединениями местной рабочей молодёжи, издаёт вместе с «комсомольской братвой» журнал «Красные всходы». Запомнился добрый совет прозаика Александра Неверова: «Стихи у тебя плохие... Нужно учиться и больше читать... Может быть, что-нибудь выйдет...» В Тифлисе, потом в Баку, где работал с «литературным бакинским молодняком», а потом и в Москве, куда он в середине двадцатых несколько раз перебирался для работы в молодёжных журналах, — начались его «крепкие знакомства» с молодыми литературными деятелями той поры — М. Светловым, А. Жаровым, М. Голлодным, А. Фадеевым, И. Молчановым (автором текста песни «Прокати нас, Петруша, на тракторе...»), Н. Кузнецовым (рано ушедшим из жизни рабочим поэтом)...

Но потом, спустя годы, чаще всего он будет возвращаться памятью к знакомству с Маяковским («... с Маяковским приходилось встречаться уже очень часто») и — Есениным. Вот и вновь возникают в нашем цикле эти ой какие непростые имена...

В фонде М. П. Юрина в РГАЛИ хранится несколько вариантов воспоминаний о его встречах с Маяковским — писались в тридцатые, ранние сороковые, поздние сороковые, потом — в ранние и поздние пятидесятые годы. Варианты, варианты — меняются времена, перерабатываются воспоминания...

Знакомство и встречи Михаила Юрина с Сергеем Есениным относятся в основном к легендарным, «почти болдинским» есенинским месяцам 1924-го, а затем 1925 годов, когда великий поэт несколько раз бывал и жил в Тифлисе и Баку, когда рождались его гениальные «Персидские мотивы», когда напоминал он своим соотечественникам-писателям:

Быть поэтом — это значит то же,

Если правды жизни не нарушить,

Рубцевать себя по нежной коже,

Кровью чувств ласкать чужие души...

Но руководитель тифлисского литературного журнала Михаил Юрин не решается опубликовать предложенные ему Есениным (практически — за бесценок) стихи.

« — Возьми для своего журнала.

Я подошёл к столу. На столе лежало в рукописях несколько стихов, очевидно, свежих ещё.

Не трогая рукописи, я прочитал первое стихотворение:

Улеглась моя былая рана,

Пьяный бред не гложет сердце мне.

Синими цветами Тегерана

Я лечу их нынче в чайхане...

В 1924 году, в наших условиях, в органе Закавказского крайкома РКСМ. в комсомольском журнале — и вдруг стихи поэта-скандалиста, вдруг:

*Синими цветами Тегерана
Я лечу их нынче в чайхане...»*

Зато сам Юрин по просьбе «поэта-скандалиста» прочитал ему свои собственные строчки.

Понравилось Есенину стихотворение комсомольского поэта, посвящённое А.С.Пушкину, которое он потом называл своим у Юрина «любимым»:

*«...Мой век — не тот, к чему таить,
Покрой есенинский мне узок...
...И вот теперь за махом мах
Беру и громче, и смелее,
Но я пою о наших днях,
Как умирали на полях,
Цветущий возраст не жалея...»*

Ему, очевидно, очень понравилась такая дерзость, потому что всё стихотворение он прослушал с большим вниманием. Мы даже пошли редакцию, и когда я кончил читать, Есенин как-то особенно живо отозвался:

— Хорошие стихи, только длинноваты... Поработайте над ними...

Я смотрел ему прямо в рот, молча соглашался с ним, а у самого в голове вертелось: „Как бы это побольше выудить от него“...»

«Я уважал и любил его», — напишет потом Михаил Юрин:

*И в золотые вечера
Всё так ли бродит шум весенний?
Слышал я, будто бы вчера
У вас повесился Есенин...
Какой позор! Какой изъян!
Тоска немая сердце гложет.
Я, может быть, пришлю, друзья.
Стихи о солнечном Серёже...*

Этими стихами Юрина, написанными после получения известия о гибели поэта, завершается его рассказ о встречах с Есениным в «Записках подававшего надежды».

Необычное название у этого рассказа о себе. Полное иронии по отношению к судьбе, горьковатое. Пророческое?.. В 1930-м ему исполнилось тридцать пять, середина жизни. Что впереди?

Впереди — трудные для всех поэтов тридцатые годы.

Сборники его поэтических сочинений после «Стихов о Кавказе» (1931) больше не выходят. Последние выпущенные им в тридцатых книги носят скорее, если так можно выразиться,

прикладной характер. Как и его современник Вивиян Итин (и как современные ему большие поэты — в переводе), Юрин из поэзии уходит в документальную и производственную прозу: «Литературный кружок на предприятии» (1930), «Наступление на море [Засыпка Биби-Эйбатской бухты на Каспийском море]» (1932), «Тюрчанка в художественной литературе [Микрофонные материалы для радиовещания]» (1935).

На Первый съезд советских писателей он не попадает.

Судя по описям документов из его фонда в РГАЛИ, середина тридцатых будет каким-то образом связана у него с Таджикистаном, где в 1932–1934 годах создавался республиканский Союз писателей. Работа М.Юрина, вероятно, носила временный и организационно-технический характер: сохранились относящиеся к СП Таджикистана докладные записки, планы работы, сметы, проекты писем и заявлений, учебные материалы для молодых литераторов.

Да, «время стихов и маёвок» прошло:

*...В лесной весенней рани
Вдруг выстрел прозвучал.
«Здесь не было собраний!» —
Кустарник отвечал.*

*Казачьи пули метки —
За правду мстят враги.
Берёзовые ветки
Шептали мне: «Беги!»*

*Мы торопились,
кто куда мог,
Листья кружились
у наших ног.
Чашу лесную
режет тропа.
В зелень густую
кто-то упал.
Думали силой
нас захлестнуть.
В сердце хранили мы
нашу весну.*

*И дней мелькнуло много,
И много было встреч,
Но ветерка лесного
Поныне помню речь.*

(«Маёвка», 1929)

Некоторое время он работает заместителем ответственного редактора в инициированном М.Горьким журнале «Колхозник» (в том самом, где до своего ареста работал последние месяцы своей жизни Владимир Зазубрин). Но летом 1939 года журнал этот, бывший своего рода

укромной нишей для сошедших с магистральной писательской дороги литераторов, перестает выходить.

«6 июля 1939 г.» — эта дата обозначена под стихотворением Михаила Юрина в «Красноярском альманахе». Точная дата написания этого фактически лёгкого стихотворного как бы экспромта?.. Датировка писем красноярских литераторов даёт возможность предположить, что в те дни и состоялось первое его знакомство со старинным городом в сибирской провинции, с которым будет потом связана не на один год его судьба. С городом не простым: «Здесь в часы уныния, упадка большевистский поднимался клич. Здесь живя, готовил к жарким схваткам армию народную Ильич...»

Одно из встречающихся в материалах о Юрине объяснений причин переезда когда-то не последнего из столичных литературных деятелей в глубокую провинцию — творческая командировка в северные районы края. Объяснение — не хуже других, из таких «творческих командировок», собственно, состояла и его жизнь, да и жизнь многих его товарищей по перу.

Как свидетельствует переписка красноярских литераторов, он познакомился со стихами красноярских авторов и даже выразил желание написать статью об их творчестве после отбытия из Красноярска в Игарку. Афанасий Шадрин пишет Сергею Сартакову в августе 1939 года: приехал М.Юрин разыскивать потерявшиеся по дороге вещи, а общественность Красноярска думает добиться для него квартиры и оставить редактором художественной литературы в издательстве.

Но — не срастается. Да и мнения писателей о «московском госте» начинают различаться между собой. Кто-то отмечает ум и хватку недавнего москвича, кто-то в нём как в писателе разочаровывается.

Стихотворение в «Красноярском альманахе» заканчивалось строчками о вожде и о знаменитом месте его ссылки:

И отсюда Ленин с молодёжью
Видел мира старого закат.
Сталин, по тайге и бездорожью,
Шёл из Туруханска в Петроград.

Плохо грела рыба душагрейка,
Путь-дорога зла и далека.
Провожала ласково Курейка
Друга своего, большевика.

А теперь, в середине 1939 года, Курейка встречала нового директора Дома-музея И. В. Сталина — Михаила Парамоновича Юрина.

Годы его директорства (с перерывом на участие в войне — в 1941–1942 (?) годах, с последующим

комиссованием по состоянию здоровья) были для музея очень плодотворны (на некоторое время Юрин будет исполнять и обязанности директора туруханских музеев Я. Свердлова и С. Спандаряна).

Как указывают авторы публикаций об истории северных музеев нашего края, музей в Курейке, в домике сирот Перепрыгиных (в котором жил Сталин большую часть ссылки), был открыт 7 ноября 1938 года, но поначалу прозябал без экспонатов и посетителей. «Здание было ветхим. Домик стоял всего в двадцати метрах от берега, ежегодно вблизи размывало яр». К 1939–1940 годам норильчанами был установлен частичный деревянный футляр над домом, стараниями директора было собрано двести десять экспонатов, отражающих жизнь Сталина в ссылке: мебель, предметы быта, охоты и рыбалки. (И «большинство из них — изготовлены собственноручно директором»). Именно Юрину принадлежала, по мнению исследователей, и знаменитая инициатива обязательных экскурсионных остановок всех идущих мимо Курейки енисейских пароходов — «и уже в 1940 г. музей посетили 4698 человек (в 1939 г. — 732)».

Главное же — бывшим поэтом была проведена системная работа по сбору и обработке информации о пребывании вождя в Курейке. В сохранившихся документах указывается на установление им «точных сроков сталинской ссылки», на записанные лично «рассказы и беседы местных жителей о жизни товарища Сталина в Курейке». Собранные Юриным материалы будут, как считают краеведы, использованы для книги «И. В. Сталин в сибирской ссылке», которую выпустит в 1942 году Красноярское книжное издательство (составителем будет обозначен известный российский историк тех лет М. А. Москалёв, автор ряда публикаций по биографии вождя, а ответственным редактором — секретарь Красноярского крайкома ВКП (б) К. У. Черненко).

Собственные же сборники воспоминаний и рассказов «жителей Енисейского Севера о т. Сталине», которые будет пытаться потом составить М.Юрин, останутся в рукописях, осевших затем в архиве.

Середина сороковых для Юрина — время редких стихов, частых очерков на патриотические и производственные темы, публиковавшихся в местной прессе, а также двух написанных им книг о красноярцах — героях войны, которые выйдут в 1944–1945 годах в Красноярском издательстве.

Потом наступят конец сороковых и начало пятидесятых годов. Опись фондов Юрина в РГАЛИ зафиксировала его попытки вернуться в столицу и закрепиться в ней; здесь — переписка

по вопросам работы, быта и пенсии с партийно-литературными функционерами, знакомыми по прежним временам (Фадеевым, Серафимовичем, Сафроновым); здесь же — следы собирания Юриным бесконечных справок и характеристик. И ещё это время — время отказов в публикации рассылаемых им в редакции и издательства произведений: среди его адресатов — «Комсомольская правда», «Детгиз», «Знамя», «Новый мир», «Известия», «Бакинский рабочий», «Нева»...

Академическую пенсию ему всё-таки назначают и окажут материальную помощь — в 1947-м, в Союз писателей примут — в послесталинском 1956-м, а в 1957 году в Саратове выйдет единственная его после 1932 года небольшая (сорок страниц, тираж 3000 экземпляров) книга стихов «Моё родное».

«Большая поэтическая взволнованность характерна для стихов Михаила Юрина, рабочего — поэта и прозаика, автора нескольких стихов и известных „Записок подававшего надежды“. Стихи Юрина о Закавказье, о Баку, о комсомолии, об освобождённой восточной женщине — темпераментные и яркие стихи,

входящие в основной фонд пролетарской поэзии и популярные в рабочих аудиториях», — так писала о нём «Правда Саратовского края» в ноябре 1934 года в статье «На путях к социалистическому реализму» (за два месяца до этой публикации только-только закончился тот самый Первый писательский съезд...).

И ещё одна цитата в завершение рассказа об этой подававшей «большие надежды» судьбе. В 1957 году, готовя для долгожданной итоговой публикации свои стихи, он последние строчки своего «красноярского» стихотворения (те самые, в которых прежде Курейка «ласково провожала» из ссылки вождя) переписал:

...Нежностью обласкан всенародной,
Сторожит преддверие морей
Город мой, простой и благородный, —
Сын великой Родины моей!

Другими, обновлёнными стихи, кажется, не стали. Но дело опять же, наверное, не в стихах, а в судьбе. Которую не выбирают и которую вдруг однажды переписать — нельзя...